

У него был выходной. Перерыв в репетициях «Братьев Карамазовых». Мы сидели в его театре «На Таганке», в его знаменитом кабинете, расписанном знаменитостями, где на одной стене висит гитара Высоцкого, у другой стоит фотография Эрдмана, рядом чепухомник Эфроса, на столе бюст Мейерхольда, и пили чай. Он хорошо выбрит, хорошо выглядит и, как и прежде, исполнен скрытого юмора и хитрости.

- Юрий Петрович, вы признаете, что вместе, может, еще с двумя-тремя именами, составили эпоху советского театра?

- Не смущайте на старости лет, а то у меня закапают мужская слеза.

- И тем не менее. Вы себя вели всегда, как одинокий боец, или были в команде?

- Одинокий. Никакой команды не было. Просто я иногда собирал команду, чтобы защитить Толю Эфроса. Какая-то солидарность цеха была. А теперь ее совсем нет.

- У вас в театре всегда была хорошая компания его друзей, авторов...

- В коридоре висят фотографии - кто на этом, но большинство уже на том свете.

- Как строились взаимоотношения с ними: они вам что-то давали, вы им?..

- Ну вот Петр Капица... Для меня - незабвенный человек по уму. Я, бестактный, как все советские, даже спросил его, уже почти девяностолетнего: Петр Леонидович, дорогой, скажите, а что позднее всего умирает? Он так поморгал детскими глазками и сказал: «Да, пожалуй, Юрий Петрович, профессиональные навыки. Я вот лучше всего себя чувствую в лаборатории, я прихожу и все знаю, как все процессы идут, как опыт поставить, как его завершить, вот тут я совершенно спокоен и компетентен»...

- А почему вы его об этом спросили?

- Я тоже старый.

- Замечательная когорта здесь клубилась...

- Ну, Господи, ну что вы! При всем своеобразии Дмитрия Дмитриевича нервного, это же была замечательная личность! Недаром дружил с Зошенко!

- Вы имеете в виду Шостаковича?

- Да. Тут такие были люди! Люди театра, хорошие писатели: Можаяев, Трифонов, Абрамов, Солженицын захаживал очень часто, Сахаров! Где такую компанию-то вы встретите?..

- Одна часть вашей жизни пришлось на советский период, но и на ваш взлет, а другая - «иностранная», когда вы уже были мэтр, - какую вы любите больше?

- Очень сложный вопрос. Потому что я совсем не принадлежу к ура-патриотам, как вы догадываетесь. За границей прекрасный зритель, профессионалы, но там и, конечно, гораздо жестче условия работы. Но нашим правителям надо все-таки подумать о том, что такую нищенскую зарплату людям платить нельзя. Надо все же думать о своих гражданах...

- Я задаю вопрос о вашей личной жизни, а вас до сих пор больше волнует общественное...

- Я просто хочу на старости лет нормально работать, отбирать таланты и передать им все, что умею. А разве я могу это сделать? Отобрали театр, все разбили, все разрушили...

- Как вы пережили это? Я имею в виду отношения с теми, кто были вашими учениками?

- Слава Богу, что они ушли. Я не хочу с такими людьми работать. Нет.

- Юрий Петрович, а красавицы Демидова и Славина... Было больно, когда они уходили?

- Знаете, сейчас модно говорить, что я не люблю актеров. Но зачем же я столько вкладывал бы энергии, чтобы они стали хорошими актерами, если бы их не любил? Ну и идите с Богом, если не хотите со мной работать!

- Как вы пережили потерю Владимира Высоцкого?

- Тяжело. Мы были в прекрасных отношениях. Но я его хоть похоронить сумел, как должно. А не как «они» приказали.

- А как «они» приказали?

- Быстро и - чтобы тихо. Но у них не вышло. Даже в олимпийском городе, в окружении милицейских кордонов люди все бросили и пришли хоронить поэта. И я вновь заува-

спектакль, актеры ваши играли...

- ... средне...

- Юрий Петрович, Демидова играла необыкновенно!

- Нет, это было «не поймаешь чего».

- Поймешь!

- Нет, сплошная невротика. Впрочем, может, это у меня ревность какая-то. Ведь паразитно: «Вишневый сад» - единственный спектакль, который сразу пошел, - утром Эфрос его слал, вечером он шел. У меня никогда этого не было. Это начальство сделало мне в отместку.

- Вы играли у Эфроса Мольера в телестановке...

Юрий ЛЮБИМОВ:

Комис. правда. - 1997. - 25 сент. - с. 4

«Порой хотелось бросить все и уйти в швейцары!»

Наш обозреватель Ольга КУЧКИНА беседует с Юрием ЛЮБИМОВЫМ, которому 30 сентября исполняется 80 лет

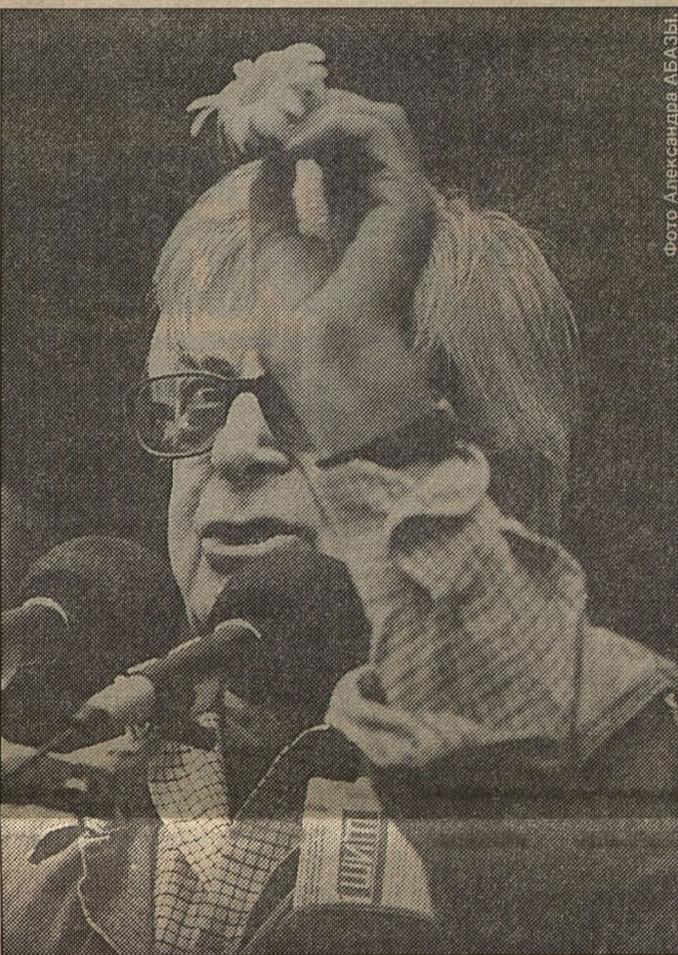

Фото Александра АБАЗЫ

жал москвичей, как зауважал их, когда хоронили Твардовского. Это замечательное проявление. Но, к сожалению, весьма редкое.

- Юрий Петрович, а как вы оцениваете историю с Анатолием Эфросом, когда вас прогнали из страны и он пришел в этот театр...

- Это была его ошибка. Я скорбел, очень. Может, ему показалось, что я недостаточно восторженно принял его «Вишневый сад» на Таганке... Если всю правду говорить, я хотел, чтобы он «Утиную охоту» поставил Анпилова...

- Вампилова.

- Вампилова, да. А он почему-то взял Чехова.

- Тоже неплохой автор.

- Тоже замечательный. Но все-таки лучше бы он тогда помог Вампилову...

- «Утинная охота» оказалась загадочной, ее никто по-настоящему и не поставил. Но «Вишневый сад» был замечательный

- Он меня пригласил.

- Потрясающая была работа. Любите ее?

- Хорошая, да. Я играл там после перерыва лет в пятнадцать. Артисты мне обычно говорили, что я гоню их к результату и потому так беспощаден, что забыл свою профессию. Вот я взял и вспомнил.

- Посещал ли вас страх в период гонений на Таганку?

- Видите ли, я войну видел много лет. Поэтому «они» на меня мало действовали. Хотя храбрость разная в мире и в войне. Храбрецы вдруг перед глупым начальством робели, ступеньвались, как говорит Достоевский. Но хуже, что от этого начальства какое-то шло отупение и досада, и иногда хотелось все бросить и пойти... в швейцары. Медалей у меня много, значит, я мог швейцаром работать. Но не пустили бы. «Они».

- Вы суровый человек?

- Просто если мне что-то не нравится, мне трудно на старости лет врать и делать вид: «Как хорошо, спасибо, поздравляю!»

- Юрий Петрович, но говорят, что сейчас вы помятели, не ссоритесь с актерами...

- Просто ловлю себя на том, что я больной и советский. И когда стал изживать советчину, то есть агрессивность - стал мягче, терпимее, стал стремиться к библейским заповедям, а не к советским лозунгам. Но это очень трудно - изживать из себя. Очень. Поэтому я люблю фразу из «Братьев Карамазо-

вых»: «Алеша, давайте за людьми, как за детьми ходить».

- О вашей личной жизни почти ничего не известно. У вас сначала была знаменитая жена - Целиковская?..

- Да.

- Вторая жена, Катя, вам родила сына...

- Этот ангел, когда рассердился на маму, кулаком прошиб дверь, чтобы выплеснуть темперамент...

- Ваш темперамент?

- Уж не знаю, по-моему, вдвойне сошелся. У меня неукротимая Катерина. Венгерка. Думаю, если б она стала террористкой, то не дай Бог! Ее венгры прислали ко мне в Будапеште переводчицей, потому что предыдущую убрали, она доносила на меня нашему посольству...

- И началась любовь?

- Ну, да. С Катей такой был случай. Она уже в положении, и какой-то прием в советском посольстве... Погодите, надо выпить лекарство. (Выпивает). А то Катя будет сердиться, скажет: «Вот, вы не пили лекарство».

- Она на «вы» с вами?

- Мы с папой и папа с моим дедом тоже были на «вы». С мамой на «ты», а с папой - «вы».

- Это в крестьянстве было принято.

- Так у меня дед крепостной мужик. А папа закончил коммерческое училище, за что и был не единожды арестован... Ну так вот, Катя в положении, стоят все послы, и наш, конечно, советский обормот. И вдруг он говорит: «О, теперь вас можно принять. Уже официально». И показывает на брюхо Катина. Пауза. Всем как-то неловко. И Катя мне громко говорит: «Простите, у вас все послы такие хамы?» Поворачивается и уходит.

- Ваша личная жизнь когда-нибудь превалировала над театром?

- К сожалению, нет.

Тут Юрий Петрович взял в руки старый фонарик, который у него уже лет пятьдесят, со времен войны, он им показывает актерам из зала, как они играют. Зеленый свет - хорошо, красный - плохо, прерывистый - темп потеряли.

- Пусть чаще горит зеленый.

197